

К.И. Скворцов

**Блаженный Августин как
ПСИХОЛОГ**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 37-053.2
ББК 74.27я7
К11

К11 **К.И. Скворцов**
Блаженный Августин как психолог / К.И. Скворцов – М.: Книга по Требованию, 2021. – 225 с.

ISBN 978-5-518-07036-3

Труды Киевской духовной академии, 1870, 4, с. 154-200; 5, с. 324-354;
6, с. 681-713; 8, с. 328-372; 9, с. 641-696.

ISBN 978-5-518-07036-3

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

Гортензіи былъ книгой полезной для Августина и въ другомъ отношеніи. Въ Гортензіи, какъ извѣстно, Цицеронъ развивалъ ту мысль, что плотское удовольствіе не только вредно для тѣла, но и есть величайшій врагъ философіи ¹⁾. Эта мысль имѣла величайшее вліяніе на Августина, потому что заставила его употребить все усилія для очищенія и исправленія души; хотя и не скоро удалось ему достигнуть желаемой цѣли.

Желаніе найти мудрость и средство побѣждать страсти, заставило Августина обратиться къ св. Писанію, чтобы поближе познакомиться съ той книгой, которую непрестанно предлагала ему для руководства его благочестивая мать. Но такъ какъ одного желанія недостаточно для того чтобы найти истину; такъ какъ для отысканія истины нужна опредѣленная норма, а такой нормы Цицеронъ, какъ язычникъ, указать не могъ: то не удивительно, что св. Писаніе, на этотъ разъ, показалось Августину не заслуживающимъ сравненія съ блестящими сочиненіями языческаго оратора. «Цицеронъ былъ такъ изященъ, краснорѣчивъ, а Писаніе такъ просто, положительно и даже грубо. Не умѣя проникнуть въ глубину его возвышеннаго смысла, я не находилъ въ немъ для себя удовлетворительной пищи. Мнѣ не нравилась внѣшняя оболочка языка его, а внутреннее содержаніе было недоступно для ума моего». (Conf. III, 5).

---

¹⁾ *Voluptatis motus, inquit Cicero, est inimicissimus philosophiæ. Congruere enim cum cogitatione magna voluptas corporis non potest.* (Contr. Julian. pelag. IV, 14). И потому Августинъ впоследствии поставилъ на видъ пелагианамъ, что если Цицеронъ, язычникъ, говоритъ прогивъ похотей плоти, то какъ могутъ одобрять ихъ христіане? Вообще онъ очень уважалъ сочиненія Цицерона. По его мнѣнію, нѣтъ ничего лучше на латинскомъ языкѣ какъ Цицеронъ. (I, 1204). Особенно нравились ему философскіе трактаты. Изъ нихъ взялъ онъ, напримѣръ, нѣкоторыя идеи о назначеніи и раздѣленіи силъ души. Въ нихъ находилъ онъ подтвержденіе своей любимой мысли о томъ, что наша душа имѣетъ истину отъ Бога. (*Aeternos animos, inquit Cicero, ac divinos habemus. De Trin. XV, 19*).

Не имѣя еще вѣрнаго взгляда на природу зла, которое такъ сильно дѣйствовало въ Августинѣ, онъ вообразилъ себѣ, что все тѣлесное враждебно духовному; и потому съ наибольшими предубѣжденіемъ смотрѣлъ на книги ветхаго завѣта, въ которыхъ встрѣчалъ образность ученія о Богѣ и служенія ему: жизнь патриврховъ казалась ему слишкомъ плотскою, законъ Божій человѣку слишкомъ несовершеннымъ и т. п. (ib.).

На 20-мъ году, по совѣту своихъ учителей, особенно же учителей риторики, онъ началъ изучать категоріи Аристотеля. «Съ непонятною жадностію бросился я на такъ называемыя десять категорій Аристотеля, какъ на нѣчто чрезвычайное, божественное; и перечиталъ ихъ и уразумѣлъ самъ собою. Мнѣ говорили, что эти книги можно выразумѣть только съ помощію ученѣйшихъ и самыхъ искусныхъ руководителей, и притомъ при посредствѣ разныхъ знаковъ; но я понялъ ихъ самъ, для меня было все ясно» ¹⁾).

Категоріи, какъ извѣстно, есть одинъ изъ шести трактатовъ Аристотеля по логикѣ, гдѣ онъ опредѣлялъ отношеніе мысли къ ея выраженію въ словѣ, а также отношеніе мысли къ бытію. Знаніе этихъ категорій, или общихъ понятій, которыя мы непремѣнно или сказываемъ о какой либо вещи, или отрицаемъ, было очень важно и въ психологическомъ отношеніи; потому что Аристотель, почитая логику средствомъ для познанія истины, проводилъ ту мысль, что сила мышленія приспособлена къ жизни міра и находится съ нею въ гармоніи. Августинъ однакожь замѣчаетъ, что изученіе этихъ категорій доставило ему не столько пользы, сколько вреда; ибо вмѣсто того, чтобы вывести его изъ мрака чувственныхъ представленій, категоріи еще болѣе погрузили въ этотъ мракъ. «Я и о Тебѣ, Боже мой, рассуждалъ подъ вліяніемъ этихъ категорій;

---

¹⁾ Conf. IV, 16.

я силится и Тебя обнять своимъ умомъ и подчинить ему, думая, что и Ты опредѣляешься величиною или красотою своею, которая въ Тебѣ, какъ въ субъектѣ, содержится точно также какъ и во всякомъ тѣлѣ» ¹⁾).

Такая дѣятельность безпокойная, такое исканіе истины безнадежное становятся для Августина наконецъ невыносимыми. Юный, неопытный, откровенный, онъ чувствуетъ необходимость въ обмѣнѣ мыслей съ людьми учеными, ищетъ сочувствія ихъ, помощи. Неудивительно, что подъ вліяніемъ этого чувства, онъ очень радъ былъ встрѣчѣ съ манихейскими философами, которые общались неутомимому труженику знаніе истины, непознанной въ ея источникѣ.

---

¹⁾ Ibid. Хотя въ *Confessiones* нѣтъ яснаго указанія на то, чтобы Августинъ изучалъ въ это время и другія сочиненія Аристотеля но въ томъ нѣтъ никакого сомнѣнія, что ему было хорошо извѣстнаго этотъ философъ, подожившій начало систематическому изложенію психологіи. Августинъ читалъ сочиненія Аристотеля, конечно, только въ переводахъ Цицерона, или же Плотина.

(Въ *Conf.* голько сказало: *Et quid mihi proderat quod omnes libros artium quas liberales vocant, tunc nequissimus malarum cupiditatum servus per meipsum legi et intellexi, quoscumque legere potui* IV, 16).

Августинъ называетъ Аристотеля мужемъ превосходнаго ума, который хотя не могъ сравниться съ Платономъ по краснорѣчію, но превосходилъ многихъ. (*Eloquio Platonis quidem impar, sed multos facile superans. De Civ. Dei VIII, 12*). Онъ находилъ достойною вниманія мысль Аристотеля о томъ, что душа есть микрокосмъ, въ которомъ отражается весь міръ. Онъ сочувствовалъ его ученію о томъ, что наша нравственная дѣятельность должна состоять въ повинненіи чувственности разуму, что совершенная нравственность возможна только тамъ, гдѣ нравственная свобода превратилась какъ бы во вторую природу. (*Arist. Eth. N I, 13. N VI, 6.—August. de anima*). Интересно для Августина въ сочиненіяхъ Аристотеля было и то, что этотъ язычскій философъ опровергалъ ученіе о душахъ всѣхъ своихъ предшественниковъ и современниковъ.

Но Аристотелевъ взглядъ на душу какъ на энтелехію тѣла, его слабое рѣшеніе вопросовъ о высшихъ свойствахъ души человѣческой, особенно же объ ея безсмертіи, не могли нравиться Августину, и потому онъ нерѣдко указывалъ на эти недостатки психологіи Аристотеля. (*De civ. Dei XII, 23. XXII, 11*).

Манихеизмъ кажется ему имѣющимъ свою собственную, оригинальную философію, и притомъ такую, которая все вниманіе обратила на объясненіе природы добра и зла, и слѣд. можетъ дать, какъ ему казалось, очень скорый и удовлетворительный отвѣтъ на его задушевный вопросъ: «что такое зло и какъ побѣдить его?»

Есть два совѣчныя начала, отвѣчаютъ ему манихеи: одно доброе, а другое злое. Доброе начало есть Богъ свѣта, окруженный безчисленнымъ множествомъ свѣтлыхъ духовъ и обитающій въ безтѣлесномъ, свѣтозарномъ, блаженномъ мѣстѣ. Злое начало, напротивъ, есть князь тьмы, который обитаетъ въ странѣ исполненной мрака, дыма, тины, огня и вѣтра; окруженъ духами мрачными, злыми, имѣющими въ немъ начало своего существованія ¹⁾.

Человѣкъ обѣими сторонами своей природы субстанціально соединенъ съ этими первыми, но противоположными началами вселенной, и въ немъ замѣчается самая высшая степень противоборства добраго начала злomu ²⁾). Итакъ надобно допустить въ человѣкѣ двѣ души: одну добрую, а другую злую: первая есть часть того свѣта, который разсѣянъ во всемъ мірѣ и соединенъ съ матеріей; вторая есть произведеніе темнаго начала, которое, сосредоточившись въ человѣкѣ, должно было принять свою форму, произвести свою душу, діавольскую ³⁾.

Хотя изъ этихъ главныхъ положеній манихейской системы само собою слѣдовало, что злое начало не только непобѣдимо для человѣка, но есть вѣчный врагъ самого Бога; но Августинъ нашель полезнымъ довольствоваться и этимъ слѣдствіемъ,

---

¹⁾ Contr. epist. fund. 13. 15. 28. Contr. Faust. man. XXI, 1.

²⁾ De nat. bon. c. 46.

³⁾ Confes. V, 10.

потому что оно давало ему право не слишкомъ беспокоиться, когда нѣтъ возможности побѣдоносно окончить борьбу со страстями.

«Такъ какъ я», пишетъ Августинъ, «по благоговѣйному чувству не могъ допустить, чтобы благіи Богъ сотворилъ злое существо, то мнѣ казалось лучшимъ допустить двѣ субстанціи, взаимно отъ вѣчности противоположныя, т. е. два вѣчныя начала добра и зла... Мнѣ нравилось ученіе манихеевъ, которые проповѣдовали, что когда совершается нами грѣхъ, то это не мы грѣшимъ, а грѣшить въ насъ какая-то другая при-рода; моей гордости пріятно было слагать вину съ себя на что-то другое» ¹⁾).

Манихейская философія могла правиться Августину и потому, что представляла богатую пищу для его пламеннаго, африканскаго воображенія. Ему, на первыхъ порахъ, не могли не быть занимательными рассказы манихеевъ о томъ, какъ члены темнаго царства, постоянно преслѣдуя другъ друга, случайно достигаютъ границъ свѣтлаго царства, о которомъ прежде не слыхали, и рѣшаются заключить между собою миръ, лишь бы только имѣть возможность завоевать это царство; какъ Богъ, для того чтобы защитить свои владѣнія, отдѣляетъ отъ своего существа часть силы, образуетъ изъ нея героя и противопоставляетъ этого «перваго человѣка» вражескому воинству; какъ потомъ мрачныя силы похищаютъ у этого человѣка большую часть свѣта и ставятъ благаго Бога въ необходимость отдѣлить отъ своего существа большую силу, образовать новаго духа и послать его на помощь побѣжденному; какъ наконецъ и этотъ сильнѣйшій герой (Христосъ) успѣваетъ только освободить прежняго героя изъ плѣна, но не имѣетъ

---

¹⁾ Ibid.

возможности отнять у злыхъ духовъ той части свѣта, которая была поглощена ими и т. п. ¹⁾).

Къ принятію манихейской системы было у Августина побужденіе и чисто религіозное. Въ этой системѣ онъ встрѣтилъ имя Христа, которое привыкъ слышать съ дѣтскихъ лѣтъ и котораго напрасно искалъ въ самыхъ лучшихъ языческихъ сочиненіяхъ. Манихеи почитаютъ себя послѣдователями Христа, и притомъ самыми вѣрными; они проповѣдуютъ необходимость помощи Его и единенія съ Нимъ, надѣются на Его награды. Итакъ, думалъ Августинъ, я исполню не только свое желаніе, сдѣлавшись манихеемъ, но и желаніе благочестивой матери ²⁾).

Но присмотрѣвшись ближе къ этой философіи, Августинъ замѣтилъ, что она не только не разгоняетъ мрака душевнаго, а еще увеличиваетъ этотъ мракъ.

Манихеи, говоритъ онъ, желая возвысить человѣка, на самомъ дѣлѣ страшно унижаютъ его. Истекая изъ божественнаго существа, свѣтлая субстанція, по ихъ мнѣнію, проникаетъ всѣ предметы міра, съ тѣмъ только различіемъ, что въ однихъ она крѣпче соединена съ матеріей, а въ другихъ слабѣе. Слѣдовательно между душой человѣка и душами животныхъ нѣтъ существеннаго различія. Каждое животное имѣетъ ту же самую разумную душу, какъ и человѣкъ, только въ болѣе рабскомъ состояніи; даже въ растеніяхъ и камняхъ распространена живительная свѣтлая субстанція ³⁾). При этой системѣ не могло быть и рѣчи о единствѣ человѣческаго существа, объ истинной свободѣ духа. Добрая душа человѣка представляется частію божества; но если самъ Богъ не свободенъ и не всемо-

---

¹⁾ De vera relig. c. 9. Contr. Faust. man. II, 3. 4. 5

²⁾ De utilit. cred. c. I.

³⁾ Contr. Iul. pelag. II, 3,

гушь, то какимъ образомъ можетъ быть свободенъ человѣкъ ¹⁾? Эта система, наконецъ, не представляла ничего отраднaго и въ будущемъ. Такой строгій дуализмъ не могъ допустить теоріи о воскресеніи тѣла. Тѣ души, которыя въ продолженіе этой жизни достаточно очистились отъ всего матеріальнаго, и такимъ образомъ принадлежатъ къ числу избранныхъ, тотчасъ послѣ смерти будутъ приняты въ свѣтлое царство; но прочія, смотря по различію страстей, которымъ предавались въ этой жизни, перейдутъ, послѣ смерти своего тѣла, въ животныя или растительныя тѣла, пока не окончатъ процесса своего очищенія ²⁾.

Девять лѣтъ Августинъ принадлежалъ къ сектѣ манихейской; но это не значитъ, что онъ такъ долго былъ ея вѣрнымъ послѣдователемъ. Напротивъ, все это время было для него временемъ колебаній и сомнѣній, и его проникательный умъ очень скоро замѣтилъ, что истины нѣтъ у манихейскихъ философовъ, что «предлагаемая ими пища состоитъ не изъ тѣхъ стихій, которыя могутъ насытить душу, а походить на пищу принимаемую нами во снѣ» ³⁾. Онъ даже часто порывался вывести душу изъ мрачныхъ и чувственныхъ фантазмовъ и вознестись въ свѣтлыя страны истинно прекраснаго; «но подъ гнепомъ суетныхъ мечтаній и заблужденій, говоритъ Августинъ, изнемогала и падала она, и снова увлекало меня въ такое несчастное положеніе, въ которомъ нельзя было оставаться, но изъ котораго нельзя было и выдти ⁴⁾. Укоряющіе меня не знаютъ, какъ трудно исправить глазъ внутренняго человѣка до

---

¹⁾ Non enim propria voluntate peccat anima, sed alterius ducta (Contr. Secund. man. c. 9). Libertatem voluntatis habuisse dicere non potestis, quam totus Deus ipse non habuit. (De fid. c. man. II. 3.)

²⁾ Contr. Faust. man. XX, 21. De morib. man. II, 17.

³⁾ Cont. III, 6. V, 3

⁴⁾ Ibid. IV, 7.

такой степени, чтобы онъ могъ смотрѣть на самое солнце» ¹⁾. Притомъ же, кто на моемъ мѣстѣ не соблазнился бы обѣщаніями манихеевъ, которые постоянно говорили, что приведутъ меня къ Богу и освободятъ отъ всѣхъ заблужденій? Я былъ еще юноша; мой духъ жаждалъ истины, мнѣ было неприятно разстаться съ пріобрѣтенными философскими свѣдѣніями, которыми я могъ, какъ мнѣ говорили манихеи, гордиться» ²⁾.

Августинъ серьезно усумнился въ вѣрности обѣщаній манихейскихъ по прибытіи въ Карсагенъ нѣкогого Фавста, который почитался свѣтиломъ между манихеями. Съ полнымъ довѣріемъ онъ обратился къ этому, давножданному философу; но послѣ первой бесѣды съ нимъ увѣрился, что ученіе манихеевъ пусто и можетъ увлекать только легковѣрныхъ.

«Такъ какъ я много перечиталъ философскихъ сочиненій и затвердилъ ихъ основныя положенія, то кое-что изъ нихъ я сталъ сравнивать съ тѣми вымыслами манихейскими, которые предлагалъ мнѣ Фавстъ во всемъ обиліи. И что же? Мнѣ показалось болѣе заслуживающимъ вниманія и вѣроятія то, чему учили эти философы, которые возмogli по крайней мѣрѣ уразумѣть міръ, хотя Творца и не обрѣли»... «Въ несвязныхъ и невѣжественныхъ вымыслахъ манихейскихъ, провѣренныхъ имѣвшимся уже у меня запасомъ познаній, я не могъ придти ни къ какому заключенію, кромѣ того положительнаго убѣжденія, что ученіе манихейское, по своей несостоятельности, далеко не похоже на ученіе мыслящихъ философовъ» ³⁾.

Это былъ кризисъ, когда Августинъ, какъ самъ говоритъ, былъ исполненъ сомнѣнія во всемъ, подобно академикамъ ⁴⁾.

---

¹⁾ Contr. epist. man. fund. I, 2.

²⁾ De util. cred. c. I.

³⁾ Conf. V, 3.

⁴⁾ Ibid. VI, 1.

Онъ былъ выведенъ изъ этого страшнаго скептицизма св. Амвросіемъ Медиоланскимъ, или лучше, онъ, при содѣйствіи этого святителя, «сталъ на распутіи, готовясь вступить на путь правый» ¹⁾).

Августинъ обратился къ св. Амвросію изъ простаго любопытства,—хотѣлъ послушать прославляемаго всѣми оратора и исключительно обратить вниманіе на его краснорѣчіе. Но вмѣстѣ съ словами проповѣдника проникала въ его душу и истина. Бесѣды Амвросія привели его къ той мысли, что каеолическая вѣра можетъ быть доказана и изъ разума. Почему же, подумалъ онъ, не можетъ быть доказана изъ разума и ложность манихейскаго ученія о добрѣ и злѣ? Онъ началъ напрягать всѣ силы ума для достиженія этой цѣли; но полнаго успѣха не могъ имѣть, потому что еще не имѣлъ яснаго представленія о духовной субстанціи. «Сильно вопіяло мое сердце прогнать всѣхъ моихъ фантазмовъ; я хотѣлъ отогнать нечистоту отъ ума моего, но едва отогнанная, она являлась снова и омрачала его. И Твое естество, неглѣнно и неизмѣняемое, которое я предпочиталъ всему тлѣнному и измѣняемому, я принужденъ былъ представлять себѣ, хотя не въ формѣ человѣческаго тѣла, но однакоже чѣмъ-то тлѣснымъ, или наполняющимъ міръ, или даже разлитымъ внѣ міра чрезъ безконечныя пространства.... Я снова сталъ доискиваться причины, откуда зло, и не находилъ выхода изъ этого лабиринта. Чѣмъ болѣе я углублялся въ вопросъ о происхожденіи зла, тѣмъ болѣе впадалъ въ бездну недоумѣній. Я старался вывести изъ этой бездны умъ, и погружался въ нее снова. Я зналъ только то, что имѣю волю, и слѣдовательно когда я чего желалъ или не желалъ, то совершенно былъ увѣренъ, что это я, а не другой, желаю или не желаю... Наконецъ, когда въ глубочайшемъ уединеніи

---

¹⁾ Ibid. VI, 4.

неніи я сосредоточилъ всѣ усилія къ разрѣшенію неразрѣши-
маго вопроса; то таившіяся въ душѣ моей терзанія какъ бы
проторглись изъ нея въ громкихъ рыданіяхъ и вознеслись къ
престолу милосердія Твоего» ¹⁾).

Слѣдствіемъ такихъ усилій была рѣшимость его совер-
шенно оставить манихеевъ. Но это еще не значило, замѣ-
чаетъ онъ, что я рѣшился принять католическую вѣру; я хо-
тѣлъ быть въ такомъ состояніи, въ какомъ былъ у родителей
въ дѣтствѣ, т. е. оглашеннымъ православною вѣрой, до тѣхъ
поръ, пока не увижу ясно истины. Я былъ тогда подобенъ
тому больному, который потерпѣвши отъ худаго врача, боится
поручить себя и хорошему: я боялся вѣрить, чтобы не при-
нять лжи за истину, и потому противился врачеванію.

На 31 году Августинъ начинаетъ читать сочиненія Пла-
тона и неоплатониковъ, которыя проливаютъ нѣкоторые лучи
истиннаго свѣта въ его душу ²⁾. Его духовный глазъ укрѣп-

---

¹⁾ Ibid VII, 1. 3.

²⁾ «Имѣющіи возможность», говоритъ Saisset, «читать Платона только въ латинскомъ переводѣ, Августину трудно было познакомиться надлежащимъ обра-
зомъ съ діалогами этого философа. Но сочиненія Августина ясно показываютъ,
что ему извѣстна была значительная часть твореній Платона; я разумѣю тѣ
діалоги афинскаго философа, которые главнымъ образомъ посвящены діалекти-
ческому методу, какъ-то: Софистъ и Парменидъ. Извѣстны были также Федонъ,
Федръ, Республика, Горгіасъ. Но болѣе всего, кажется, онъ изучалъ Тимея, въ
которомъ содержится теорія идей, ученіе о провидѣніи, природѣ и происхожде-
ніи души, устройствѣ міра, словомъ—лучшая часть метафизики». (Trad de la
Cité de Dieu, introd. 41).

Августинъ часто бралъ мысли у Платона, но не всегда правильно пони-
малъ его. «Платонъ», пишетъ Августинъ, «раздѣлялъ философію на три части:
нравственную, физическую, наконецъ логику. «Но», замѣчаетъ Saisset, «напрасно
стали бы мы искать у Платона подобнаго раздѣленія философіи; оно явилось
гораздо позже не только Платона, но даже Аристотеля. Кажется, что Августинъ,
говоря такимъ образомъ, не имѣлъ предъ глазами сочиненій Платона, а судить
объ нихъ по слухамъ, по свидѣтельству учениковъ, которые иногда неправильно
повнимали Платона».